

А. В. Шевцов

ИММАНЕНТНАЯ ФИЛОСОФИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ШУППЕ В КОНТЕКСТЕ НЕОКАНТИАНСТВА

(к вопросу о ее рецепции в русской философии начала XX в.)

Статья посвящена рассмотрению вопросов восприятия и усвоения идей имманентной философии немецкого мыслителя Вильгельма Шуппе (1836–1913), в особенности в конце XIX и, главным образом, начале XX в. в России. Мы обратились к трудам как самого Шуппе (безусловно, лишь к некоторым из целого ряда его произведений), так и тех русских мыслителей начала XX в., которые транслировали идеи имманентной философии на отечественную почву. В настоящем исследовании намечен целый спектр влияний, испытанных в самой теории познания и логике имманентной философии, а равно и возможные воздействия на русскую философскую мысль, оказанные рецепцией этой философии Шуппе. Мы только приступили здесь к анализу, главным образом, одного лишь произведения Шуппе, его «Начертаний теории познания и логики», а также обратились к написанной на него Вильгельмом Франклем рецензии. Кроме того, мы опирались на суждения ряда мыслителей, как известных, так и не очень, которые писали о философии Шуппе. В конце статьи приведена более или менее полная библиография по данному вопросу.

Ключевые слова: Вильгельм Шуппе, имманентная философия, тезис имманентности, теория познания, логика, материализм, И. Кант, неокантианство, Р. Шуберт-Зольдерн, Й. Ремке, Э. Гуссерль, Э. Л. Радлов, Н. О. Лосский, Г. И. Челпанов, Л. Е. Габрилович, Б. В. Яковенко, В. Франкль.

Немецкий философ, логик, мыслитель Вильгельм Шуппе родился 5 мая 1836 г. в силезском городе Бриг (ныне Бжег), умер 29 марта 1913 г. в Бреслау (ныне Вроцлав, Польша). Известно, что В. Шуппе с 1873 по 1910 гг. был профессором философии в университете Грайфсвальда, города, расположенного на берегу реки Варнов напротив Ростока на балтийском побережье Германии.

Создание имманентной философии неразрывно увязывалось в истории философии с именем Шуппе. Так, в России в начале XX в. об имманентной философии и о Вильгельме Шуппе писались статьи, вышел ряд интересных исследований по имманентной философии, а также по остроумным на ней теориям познания и логикам. Среди отечественных мыслителей назовем таких авторов статей, как Н. О. Лосский [Лосский, 1913а, 1913б], Г. И. Челпанов [Челпанов, 1902], И. И. Лапшин, В. Ф. Эрн [Эрн, 1910], Б. В. Яковенко [Яковенко, 1912/1913, 1913], Л. Е. Габрилович [Габрилович, 1908, 1912; Галич, 1908], Э. Борецкая (псевд., наст. имя Соломон Яковлевич Рысс) [Борецкая, 1902а, 1902б, 1904а, 1904б], Г. Э. Ланц [Ланц, 1909а, 1909б] и С. Л. Франк [Франк, 1913]. О философии имманентизма Шуппе писал и В. И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм», сопоставляя его подход с концепцией критики опыта Эрнста Маха.

Главным образом, удачно раскрыли концепцию Шуппе, как известно, Лосский и Челпанов, но и в статьях других мыслителей также прозвучали идеи глубокого

Александр Викторович Шевцов — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (ashevzov@mail.ru).

анализа философии и логики Шуппе. Так, Б. В. Яковенко сближал теорию познания Шуппе с разработками новейших на то время мыслителей, например Э. Гуссерля, Й. Фолькельта, неокантианца Т. Липсса и вообще с марбургской школой [Яковенко, 2003, 17]. Однако надо заметить, что сам Яковенко связывал имманентный подход в теории познания Шуппе с возникновением обновленного направления идеализма в онтологии. Эту тенденцию Яковенко просматривал у Струве, а далее у Бердяева, но она, конечно, брала свое начало еще в логике и теории познания Шуппе (1878) [Яковенко, 2003, 339]. Отметим также, что Яковенко ограничивался очевидным на тот период сопоставлением критикуемых теорий и их связью с так называемым подходом «антипсихологизма», откуда могут быть понятны тенденции выстраивания теорий познания в то время. Поэтому и имманентизм теории познания Шуппе был им, Яковенко, прочно увязан с критикой Гуссерлем различных психологистских подходов в теории познания. По сути, Яковенко в своем обзоре не дал подробного анализа теории познания Шуппе, ограничившись только общим концептуальным исследованием. Но важно отметить, что Яковенко сближал философию Шуппе с идеями неокантианцев.

В целом концепция имманентной философии представляла собой особое направление философской теории познания, в котором факты познаваемой реальности отождествлялись с содержанием сознания. Эта концепция родилась на стыке неокантианства (и даже кантианства) и критических теорий опыта. Этот союз возник в самом конце XIX в. и связывался, конституировался изданием с 1895 по 1900 гг. специального журнала по имманентной философии (*Zeitschrift für immanente Philosophie*). Журнал начал издавать М. Кауфман, а затем к этому проекту присоединился собственно и сам зачинатель данной теории, Вильгельм Шуппе. Всего ими было выпущено четыре номера.

Так, если Гуссерль находил первоначала, принципы для своей философии в образце математической науки, то для Шуппе такими строгими основаниями подлинной философии были идеи единства опыта с рефлексией этого опыта, идея объективного единства мышления и воспринимаемых объектов как объектов сознания. В такой философии, считал Шуппе, должны отождествляться логика, онтология и теория познания, причем, аналогично Гуссерлю, Шуппе считал, что философию необходимо избавить от психологизмов индивидуума. Поэтому в своей логике Шуппе исходил из того, что мышление рассматривается в отрыве от мыслимого содержания, как диктовалось всей историей философии, только в абстракции — и поэтому сознание не должно изолировать от объективной действительности, ибо субъект и объект не только неразрывно связаны друг с другом, но они являются коррелятами друг для друга. Объекты действительного мира не существуют вне сознания, их бытие имманентно сознанию.

Особенно ярко и во всяком случае одним из первых рассмотрел теорию имманентной философии Шуппе и написал об этой философии статью русский философ Н. О. Лосский [Лосский, 1913а, 1–39]. Он характеризовал концепцию имманентной философии как вариант теоретического всеединства, в котором тем не менее были неразборчиво прописаны исходные положения, ибо смешивались субъект и объект [Лосский, 1913b, 30–67].

Этот же подход имманентизма в философии мы видим и в статьях Л. Е. Габриловича, который, кстати, в 1909–1913 гг. был на стажировке в университете Грайфсвальда и считал себя учеником профессора В. Шуппе. Кроме того, влияние имманентизма в философии и в теориях познания встречается также у Г. Э. Ланца [Яковенко, 2003, 361], В. Ф. Эрна, у И. И. Лапшина, в текстах С. Л. Франка и Б. В. Яковенко. То общее, что их отчетливы роднит и сближает их труды, — это общий вывод: практически во всех текстах учение Шуппе характеризовалось как солипсизм. Отметим, что «познавательный солипсизм» — в то время скорее даже негативная характеристика, упрек, от которого старались, по возможности, как можно быстрее избавиться. Поэтому нам также интересно будет узнать, насколько справедлива такая оценка имманентной философии Шуппе (ведь в свое время и Канта обвиняли в агностицизме).

Итак, что же такое понимается, и понималось тогда, под предметом «имманентной» философии? Попробуем разобраться, попутно и выясним, насколько серьезно было влияние имманентной философии на существовавшие или возникшие под влиянием этой концепции теории познания.

В имманентной философии принцип «я» устанавливается опытным путем, что диктовалось единством и тождественностью познающего с познаваемым, то есть самосознание (или «я») являлось одновременно и содержанием сознания, и заданной этому познанию объективной реальностью. Содержание сознания есть результат доступной уже после обработки восприятием объективной реальности. То есть, согласно концепции Шуппе, содержание сознания и познаваемая реальность одновременно являются результатом творческой способности нашего «я». Это кажется продолжением (или развитием) объективного идеализма Гегеля, которое выполняется в виде уже поздней редакции феноменологии, и это неудивительно, ведь и Гуссерль, и Шуппе были практически современниками и ровесниками (конечно, Шуппе постарше).

В другой своей статье Б. В. Яковенко фактически уравнивает имманентный подход с общим направлением неокантианской философии. И прежде всего в отношении смелости духа в открытии нового — как светлого пути, проложенного Кантом. Так, Яковенко писал, что, «Встав вместе с Когеном во главе ныне отходящей эпохи и будучи подобно ему одним из властных вдохновителей неокантианства, Шуппе при этом, как было упомянуто, с самого начала отдался систематическому укреплению неокантианской позиции и самостоятельному проведению критического метода» [Яковенко, 1913, 180]. Яковенко здесь подчеркивал: талант Шуппе выразился в том, что он не был просто эпигоном Канта и исторического возврата к Канту (хотя все мышление Шуппе и было насыщено мотивами кантовского критицизма), но, являясь по своему существу возвратом к Канту, это мышление Шуппе, будучи систематическим, методическим, стремилось выполнить центральное усилие: «...утвердить познавательный имманентизм, сохраняя притом объективизм и бытийность, есть именно то, чего всегда добивалось неокантианство, видя в этом истинный метод кантовского критицизма» [Яковенко, 1913, 181]. Этой линии Яковенко фактически вторил, буквально защищая восторженность познавательных усилий, которую испытывали неокантианцы и современный специалист по неокантианству, профессор из ФРГ Гельмут Хольцхай [Holzhey, 2002, 19–52]. Борис Яковенко настаивал, что это философское движение, которое получило название «неокантианство», и образовалось во многом благодаря творчеству Вильгельма Шуппе. Яковенко писал, что «В лице Шуппе... [то движение, которое] показало себя со стороны своего самостоятельного, творческого существа, выявилось как особая категория философской мысли» [Яковенко, 1913, 181]. Б. В. Яковенко предостерегал от произвольного смешивания имманентизма Шуппе с крайними учениями: сенсуализмом психологистского толка, а также биологизмом в философии, то есть, например, с учениями Лааса, Шуберта-Зольдерна, Кауфмана, с одной стороны, и Авенариуса с другой — бихевиористской — стороны.

Задача настоящей статьи — вскрыть и показать некоторые пункты критического и гносеологического имманентизма в историко-философском аспекте, с тем чтобы одновременно прояснить и продемонстрировать оригинальное учение Шуппе. Мы также и сопоставляем учение Шуппе с общей теоретико-познавательной кантовской традицией, предполагая, что в нем, вероятно, много общего с неокантианскими идеями. Эта линия реконструкции и рассмотрения имманентной философии Шуппе приводит нас к тому выводу, что оно было рождено во многом благодаря неокантианству и придало свою оригинальность всему неокантианскому движению. Поэтому мы в анализе учения Шуппе опираемся на исследователей прошлого, писавших о его философии с позиций гносеологии и, особенно, исходя из неокантианских установок.

Так, Б. В. Яковенко выделял главный тезис философии Шуппе, который звучал как *Satz der Immanenz*, что можно перевести как «тезис имманенции», или «установка имманентности». Для начала Шуппе ввел четкое разделение, отграничив

то, что не относится к установке имманентности. Он называет противоположную его точке зрения позицию естественным взглядом на мир, точкой зрения наивного натурализма — что человека окружает мир вещей, которые с разной степенью отчетливости воспринимаются и постигаются им, которые как-то связаны друг с другом или вовсе не связаны. Яковенко здесь удачно так охарактеризовал «естественную установку сознания» человека по Шуппе: «все вещи мира суть по отношению к нему „вещи в себе“ подобно тому, как и он по отношению к ним является тоже некоторым действенным „я в себе“» [Яковенко, 1913, 183]. Поэтому, как подчеркивал Яковенко, здесь и возникает противоречие гносеологического характера: как можно сочетать этот резкий дуализм между «вещью в себе» и сознающим «я в себе»? Но есть и третий вариант — установления между «вещами в себе» и познающим «я в себе» некоторой престабилизированной гармонии или же их автономии, более или менее резко отграничивающей их друг от друга, — мы только выбираем, исходя из наших познавательных и когнитивных предпочтений: или материализм как результат сведения всего на «я в себе», в той или иной степени пропорции или толерантности. Потому-то Шуппе и требовал отказаться от естественной, или наивной, установки сознания, что она порождает все новые и новые заблуждения, ведь мы и утверждаем, и отрицаем что-то о предметах или вещах, даже если говорим о них как о «вещах в себе», как о чем-то внутри сознательном, сознающемся. Как передавал эту мысль Шуппе Яковенко, здесь как бы «...приписывают утверждаемому то, что отрицается наличием его утверждения» [Яковенко, 1913, 185].

Особо остановимся здесь на тексте Шуппе «Начертание теории познания и логики», поскольку этот его труд, написанный в 1894 г. (второе издание вышло в 1910 г.), собственно, явился попыткой «начертать», схематично представить и вариант логики [Schuppe, 1910], дать наброски познавательной деятельности разума человека. Все это замыслилось В. Шуппе в виде некоей философии фихтеанского тождества, но названо было «имманентизмом». Однако имманентная философия отправлялась от посылки, что самым достоверным бытием предмета должна являться его мыслимость, т. е. его данность в сознании. Здесь диалектическое единство субъекта и объекта понимается как попытка отменить традиционное метафизическое разделение на субъект и объект, вплоть до их смешения или до отмены в акте познания. Если все мыслимое, и оно же тождественное бытийному — оно тем самым уже находится в имманентном включении в сферу сознания, но для этого нет необходимости выходить за сферу сознания, чтобы выстраивать онтологию вне этой сферы.

Представители имманентной философии (или, точнее, имманентистского подхода в теории познания) вслед за Кантом утверждали, что мир конструируется сознанием, в том числе и непознаваемое, как, например, вещи в себе. Кроме Вильгельма Шуппе представителями этой философии были И. Ремке [Ремке, 1913], М. Кауфман, Р. Шуберт-Зольдерн, Л. Леклер [Леклер, 1904], подробную характеристику их концепций мы найдем также у Н. О. Лосского, Г. И. Челпанова. Приверженцы имманентного подхода в теории познания и концепции Шуппе (многие из них были кантианцами, а в России в 1910–1920-е гг. — неокантианцами) полагали и руководствовались идеей, что мир конструируется сознанием, что мир как бы задается как «вещь в себе», и если мы себе отдаем в этом отчет, то мы его так и находим, но если не отдаем отчета, то и ничего страшного — мы находим мир, как находим, как таковой. Мир объективно одинаков в восприятии для всех людей. Но если мы приступаем к исследованию опыта, то здесь центральным пунктом будет выступать анализ последовательности и соположения наступления событий. В этом смысле процесс анализа как участия и не-участия протекает с разной степенью ощущения включенности в бытие. Шуппе и его последователи ни в коей мере не отрицали наличие и реальность существования объективного мира — они могли говорить, что реальный мир существует для каждого сознания в разной степени готовности объективностью. Об этом эффекте писал в своей большой статье Габрилович в 1910 г., а затем он же подробно изложил

эту концепцию и в учении об актуальных формах в своей книге от 1914 г. (на немецком языке) [Gabrilovitsch, 1910, 452–497 (пер.: [Габрилович, 2017]); 1914, 1–92].

В связи с идеей и принципом имманентности и даже имманентизма мы выделяем несколько типов этой философии по отношению к проблеме познавательного монизма. Понятие «трансцендентализма» Канта стоит на левом, так сказать, фланге, здесь трансцендентальный монизм познавательной имманентности позволяет или допускает мир в уме других людей, как не включенный в мой мир. То есть здесь, при таком типе познавательного имманентизма, внешний мир дан и исследуется, но только где-то на другом уровне актуальности мы допускаем, что законы тех уровней согласуются с законами моего уровня, и если я захочу проверить результаты познания другого субъекта, то это возможно сделать, перейдя на тот уровень. Поэтому этот тип познавательного имманентизма не настолько жестко устроен — он допускает другие «миры». Познавательный же имманентизм, так сказать, на правом фланге — более жесткий, он не приемлет никаких других субъектов, а если они и есть, то только как результат работы моего сознания. Это, например, концепция Йоханнеса Ремке (1848–1930) [Ремке, 1913], который считал, что нет разделения между познающей душой и внешним миром, потому что все познаваемое находится в сфере сознания, и душа потому и способна познавать мир, что то, что мы называем «внешним» миром, устроено даже не аналогично нашему уму, а то, что есть внешняя реальность, — по сути, есть мы сами. Другими словами, крайний тип имманентизма не допускал никакой другую разность картины познания, но только жесткую сцепку между бесконечностью мира и сознанием человека. То есть можно видеть «по-своему», можно строить разные картины, но все это будет только «картинками» жесткой связки «человек — внешний мир». Здесь не допускаются сомнения или вопросы по поводу имманентности трансцендентального или трансцендентного устройства мира и человеческого сознания. В трансцендентность выйти нельзя, потому что и сама «трансцендентность» жестко обусловлена и регламентируется трансцендентальностью познания и внешнего мира, и человека. Таким образом, имманентность души в концепции крайнего имманентизма (совпадающего с солипсизмом) не отрицает другую душу как невозможную, а предполагает ее как доказательство и условие собственной имманентности, т. е. фактическая бесконечность типов и результатов познания является лишь безусловным доказательством и подтверждением бесконечности самой души. Поэтому здесь один шаг до утверждения, что «весь мир определяется и подтверждается существованием нравственного закона».

Труд Вильгельма Шуппе «Начертание теории познания и логики» был написан и вышел первым изданием в 1894 г., в 1910 г. вышло второе [Schuppe, 1910]. С первых слов Шуппе обозначил, что поскольку рефлексия мышления может быть обращена на саму себя, это является несомненным доказательством того, что удастся вывести мир из мысли, где он может становиться своими предметами. Интересно, что Шуппе с первых слов заранее как бы говорит, что мир — это осознаваемая в разной степени предметность. Какие-то вещи дальше, какие-то ближе, но все вместе вещи диалектически не даны нам и даны: если наш интерес падает на, скажем, какую-то группу предметов, то они в этот момент и образуют нам для нашего сознания наш мир. Раз я это не воспринимаю как некую вещь, а только как некую закономерность, то эта закономерность и дана мне как «закономерность», а не как вещь. Если же я воспринимаю чашку на столе, то предмет «чашка» и предмет «стол» даны мне в виде неких «вещей» — их предметность не сводится к предметности «законов» или «закономерностей». Но если я бросаю чашку на пол, то вступает в силу новая закономерность предметности «летающей на пол чашки». По Шуппе, только в сомнениях, в споре мнений и в доказательствах и опровержениях ошибок мышление выступает как замечающее нечто, т. е. это своего рода развитие картезианского «мыслью/сомневаюсь следовательно существую», а с поправкой на методологию Шуппе, вероятно, будет выглядеть так: «я замечаю только то, что изменяется в моем восприятии, и только

тогда я мыслю». Только тогда у разума наступает деятельность и проявляются все способности, в том числе способность отличить истину от лжи.

Здесь, на наш взгляд, возникает резонный вопрос: а что же там возникает в режиме (или в первичном фоне) нашего восприятия, что мы что-то начинаем фиксировать? Например, сигналы высшей нервной деятельности, отпечатки или следы на наших органах восприятия, или что-то еще? Напрашивается ассоциация с первой мыслью, за которую начинают как бы «цепляться» все остальные восприятия и мысли по поводу этих восприятий. Например, похожую конструкцию мышления, ее описание можно увидеть у Кристофа Зигварта. Интересную идею устройства мышления путем образования многоуровневых связей и соподчинений как «актуальных форм» предложил ученик Вильгельма Шуппе Леонид Евгеньевич Габрилович в своей работе «О математическом мышлении и понятии актуальной формы» [Gabrilovitsch, 1914].

Первый постулат, «начертанный» Шуппе для задуманной им новой теории познания, гласил: «Действительность, с какой встречается или которую постигает мышление, в чем-то независима от мыслящего субъекта — это есть мир как единственная воспринимаемая из вещей (они существуют в таком количестве, мыслю я их или нет)».

Второй постулат тоже и утверждал «тезис имманентности», и устанавливал его правильное понимание: «Мышление — о чем-то, что предшествует в отдельном субъекте, и только так в нем оно и может существовать» [Schuppe, 1910, 1]. То есть мышление в субъекте сознания как бы «торопится, забегаает вперед», и оно только так и существует, только с таким эффектом. Когда мы мыслим, точнее, когда мы осознаем, мы как бы находимся «чуть-чуть впереди себя». Мы полагаем, что Шуппе хотел сказать именно это.

И третий постулат — «Подтверждаемое на уровне возникающих чувств — это есть истинное мышление, согласующееся с этой действительностью» [Schuppe, 1910, 1]. Мы понимаем это так, что концепция мышления у Вильгельма Шуппе представляла собой теорию как бы «живой, или оживляющей» формы мышления. Это как бы некоторая «натуральная», или «организмическая», структура, устроенная или устраивающаяся на органическом материале. И логика этой системы, условно говоря, тоже «натуральная». В какой-то степени Шуппе со своей специфической логикой и «тезисом имманентности» представляет собой тип ученого, заглянувшего значительно глубже, чем Дарвин с теорией естественного отбора — к самим истокам возникновения мышления: как «рефлексии» в живом организме. Шуппе замечал, что на самых ранних этапах жизни, когда еще опыт примитивен, мышление как бы возрастает за «ветвящимся» разнообразием опыта и тоже усложняется. Наши органы чувств свертывают данные, отклонения на очень малую степень вследствие погодных факторов и просто внутреннего фактора, связанного с жизнедеятельностью организма, что влечет увеличение опытного багажа, а отсюда влечет и определяет приобретение поведенческих правил.

Поэтому, говорит Шуппе, отсюда и возникает дифференциация между основоположениями мышления, истиной и действительностью — которые невозможны в качестве нормы, ибо они все время не находятся в равновесии. То, что усматривается как самоочевидная истина, требует ответа в картине действительности, но, как правило, не получает его, и вновь требуется подправлять, вносить коррекции, что, в свою очередь, привлекает дополнительные усилия по осмыслению («рефлексии» — понятие Шуппе), и так далее. Поэтому мышление как бы «растет», увеличиваясь в своих реальных произведениях, что мыслится как успех достижения истины (на пути достижения истины). Если при таком изложении основных понятий мышления «истина» и «действительность» норма мышления невозможна, то, тем не менее, постановка основного принципа будет отвечать их нормальному характеру [Schuppe, 1910, 2–3].

Специальные задачи логики, писал Шуппе, как всегда, приводят к основным вопросам: что такое мышление? что значит и что есть действительное бытие, каким должен быть его объект? В седьмом разъяснении Шуппе дает такое толкование: «Прежде всего на этом пути различные роды Единства, т. е. метапонятия (понятия

верхнего уровня. — А. Ш.) сами возникают перед глазами: это есть познание основных следствий действительного — с этой стороны логика является материальной логикой, одновременно онтологией» [Schuppe, 1910, 4]. Поэтому логика должна учиться не схемам умозаключений, не чистым конструкциям работы с понятиями, а практике, онтологии, то есть материальному конкретному устройству объектов. Тогда это будет называться восхождением до оконченных форм и нисхождением до логических, бесплотных форм. Такое понимание онтологии было у Вильгельма Шуппе. Причем стоит заметить, что это не было похоже на идеализм, например, Гегеля. Корни этих воззрений Шуппе мы усматриваем у Тренделенбурга, в его порождающей логике, а также в логике Зигварта. Интересно и несколько необычно у Шуппе то, что вещи представляют собой понятия в максимальной степени насыщенности, тогда как идеи — это просто не сформировавшиеся до заключительного воплощения понятия, которые поэтому еще не стали вещами как законченными понятиями.

Тогда что же такое мышление в этой имманентной философии Шуппе? Философ говорит, что он исходит не из предположений, а замечает, что мы можем только рефлектировать (опять это любимое слово, заменяющее у него «мышление»), т. е. мы только лишь рефлектируем несомненные примеры мыслей или мыслительных актов, наподобие: Земля круглая, львица это кошка, дважды два — четыре и т. п. [Schuppe, 1910, 6]. Таким образом, мышлению мы учимся с самого рождения, и аналогично всё в мире животных так же учится мыслить. Сначала возникают примитивные мысли, которые впоследствии могут возвыситься до законченных формул, а далее — до законченных и воплотившихся в вещи и осязаемые объекты. Так логика стремится стать не совершенной по форме рассуждений, но она стремится стать воплотившейся доктриной, она стремится стать онтологией.

В этой связи, именно в связи со специфичностью толкования Шуппе своей концепции, в сущности, онтологии логики — располагающейся весьма близко к диалектической концепции о «восхождении от абстрактного к конкретному», — позволим себе упомянуть, что в рамках Международного форума «Маркс — XXI», посвященного 200-летию Карла Маркса, на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, нами был сделан доклад по секции «Маркс и Россия» 18 мая 2018 г. Доклад назывался «Марксизм в русской философии XX в. Э. Л. Радлов, Э. В. Ильенков». В нем мы, в том числе, затрагивали проблему подхода в диалектической логике взаимодействия абстрактного и конкретного, где это абстрактное, являясь в уме чисто идеальным, достигает конкретного в материальном как застывшая в этом конкретном и завершенная идея. В этом смысле логика Шуппе, развитие ее концепции и ее онтология находятся весьма близко к интерпретации диалектической логики. Тем более что и имманентная философия, теория познания и вообще развитие в целом в этих рамках имманентной философии, логики Вильгельмом Шуппе, и проект феноменологии Гуссерля, а равно и возникновение и развитие в конце XIX — начале XX века материалистической концепции философии совпали по времени. Поэтому тезис имманентной теории познания оказывается так близко стоящим к пониманию логики и теории познания материализма. Это, так сказать, с одной стороны, с другой же стороны теория познания Шуппе касается теоретико-познавательного проекта, реализовывавшегося в рамках неокантианства.

Поскольку проблематика теории познания, заявленная Шуппе, во многом пересекалась с теоретико-познавательной доктриной неокантианцев, как мы уже отмечали здесь выше, то обратимся к некоторым из русских ученых и философов, кто мог вольно или невольно как просматривать учения о познании самих неокантианцев, так и сблизать, сопоставлять труды неокантианцев с имманентной философией. Например, выше мы уже отмечали труды Б. В. Яковенко. Среди отечественных мыслителей, которые также занимались неокантианцами в 1910–1930 гг., мы видим и труд С. Л. Рубинштейна «О философской системе Г. Когена» [Рубинштейн, 1993, 230–259], опубликованный в 1993 г. из бумаг, найденных в архиве С. Л. Рубинштейна (хранится в Отделе рукописей ГБЛ Ф. 642.18.12) О. Н. Бредихиной [Бредихина, 1993, 228–230], с ее предисловием.

На сочинение В. Шуппе «Начертание теории познания и логики», второе издание которого вышло в 1910 г. с посвящением Эрнсту Маху, Вильгельмом Франклем была написана рецензия. Эта критическая статья вышла в журнале «Архив по истории философии» в 1912 г. [Frankl, 1912, 104–110]. Автор рецензии отмечает, что Шуппе, являясь ведущим представителем имманентной философии, развивал, по сути, форму эмпириокритицизма Эрнста Маха. В частности, как мы в своем исследовании труда Шуппе «Начертание теории познания и логики», так и Франкль в своей критике также обратил внимание на главный тезис Шуппе: объективное бытие объекта идентично бытию данного объекта. Франкль подчеркивал, что «эта „формула имманентности“ выражает программное воззрение, которое среди прочего является попыткой распространить его на все случаи, и причем в некоторой более или менее так определенной форме, в которой эта форма еще не задействовалась этой формулой имманентности» [Frankl, 1912, 104]. Комментируя далее пассаж Шуппе на странице 170, Франкль обрушивался с критикой на неудачную формулировку «нечто существует как мысль», утверждая, что такого не может быть, поскольку это не следует из самой формулы имманентности. По Франклю, другой важнейший вопрос по поводу мысли Шуппе об имманентности, который не был удовлетворительно разрешен, — это вопрос о различимости между действительным и кажущимся бытием. И Франкль предполагает, что не разрешен он, вероятно, потому, что Шуппе не затрагивал последний род бытия или отождествлял его просто с не-бытием. Но еще меньше Шуппе, по выводу Франкля, уделял внимания «очевидности» (Evidenz). В этом труде Шуппе слово «очевидность» вообще встречается только один раз. Поэтому, заключал Франкль, это еще более отдаляет попытку строить теорию познания с учетом области очевидных причин. Поэтому опыт, который рассчитан с претензией только на относительную законченность, — благодаря роли, которую играет момент очевидности в познании, — такой опыт построения теории будет ошибочен, и он последовательно сводится к скептицизму. Хотя Шуппе и в связи с этой проблемой говорит везде о доказательстве и даже о так называемом аргументе доказательства, но он сам и закладывал основания заблуждениям. Поэтому книга Шуппе и его концепция еще ждут детальной проработки. Взять хотя бы такую серьезнейшую проблему: «как может мышление обладать действительностью как объектом, если она, действительность, должна быть независимой от мышления?» [Frankl, 1912, 105]. Франкль предложил такую интерпретацию: здесь трудность возникает только тогда, когда мышление принимается как полностью независимое от действительности, как некое противоположное. Однако Франкль задает вопрос, о чем и как мы будем знать, что наше мышление понимает любую действительность, вплоть до фундаментальных причин очевидности, которые Шуппе хотя и были заявлены как цели его исследования, описаны, но так и не были объяснены.

Обратившись к понятиям Шуппе о тождестве, различии и причинности, Франкль отметил, что сходимость и расходимость вообще обозначают у Шуппе некую игру, почему он, Франкль, и указывает на логику Лотце. Так, высказывание лотцевской логики « A не есть *не- A* » у Шуппе понимается как « A не есть *не A* », тогда как, по Франклю, это суждение должно пониматься как « A не есть нечто, что не A » [Frankl, 1912, 106]. Поэтому Шуппе своеобразно понимал сущность и природу сознания: он считал, что предметность появляется в сознании и подразделяется в зависимости от перцептивных моментов. А то, что никак не действует на органы чувств своими перцепциями, — вообще не может и образовать никакой предметности. То есть бытие, по Шуппе, де факто необходимо, писал Франкль, то есть собственный смысл ассерторических суждений будет аподиктическим. Другими словами, если a и b связаны, то у Шуппе они связаны в каком-то смысле с некоей необходимостью. Вывод здесь будет такой, что связность отношения оказывается как бы односторонней, то есть чтобы как b , так a и так и c были объединены, но никак не наоборот. Но, по Франклю, это построение кажется искусственным, поэтому такие индивидуализирующие моменты, как время и место, привязываются в понятии b и вносятся в полную неразличимость и слиянность бытия как моменты подразделения

на *до* и *после*. Это напоминает проблему еще Аристотеля. Кстати, Франкль дает здесь ссылку на «Метафизику» (XII, 6), но мы со своей стороны добавим также, что проблеме времени как учения о наступлении как последующего, так и предшествующего, а также учению о понятии Аристотелем были посвящены важные места «Метафизики» и книги XIII.

Важно также отметить, что в своем критическом анализе концепции формулы имманентности Шуппе Вильгельм Франкль прибегает к опоре на Христофа Зигварта (1830–1904), автора «Логики» (Т. 1, 1873), на отличие Зигварта между различностью и различием. Далее Франкль обращается к кантовской проблеме отличия точек во времени и пространстве друг от друга, и замечает, что эта проблема оставалась нерешенной и до сих пор, то есть до Шуппе. Это проблема принципиальной несостыковки между мышлением и бытием. Причем теория неевклидовой геометрии, например треугольника на сферической плоскости, могла занимать уже Канта, как видно по его «Пролегоменам...» [Frankl, 1912, 108], хотя Франкль и оговорился, что не думает, что кантовская проблема полностью новая по сравнению с поднятой Шуппе, но встречалась также и у Зигварта, и у Маха.

Отвлечемся здесь на точки соприкосновения концепции Шуппе с логикой Христофа Зигварта. Так, в параграфе 11 своего сочинения Зигварт говорит о т. н. имперсоналиях и родственных формах суждения. Что под этим имеет в виду Зигварт? По Зигварту, сам процесс мышления, его движение в суждении таково: когда мы имеем в виду именно изменяющиеся представления, точнее, когда, так сказать, «жизнь» вещи предстает в динамике — тогда впервые мы можем сказать, что у нас появляется вещь, а поэтому мы также можем сказать, что «...впервые в сознании появляются свойство или деятельность (грамматический предикат)» [Зигварт, 2008, 83]. Поэтому в логике у Зигварта в безличных предложениях, то есть в тех, в которых исключена мысль о вещном субъекте, особенно заметно и акцентировано внимание на появление «объявляемой» вещи. В этом отношении, как нам кажется, своей концепцией логики Зигварт сближался с «тезисом имманентности» Шуппе. Здесь же, в примечаниях к этому месту, Зигварт, обращаясь к статье М. Йовановича (*Die Impersonalien*, Belgrad, 1896), отсылает читателя к Шуппе, указывая журнал по психологии народов и науке о языке (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissensch.* 1886. Bd. XVI, 3.), где, очевидно, Шуппе публиковался сам. Зигварт замечает, что Йованович «...стоит к Шуппе и ко мне ближе, нежели думает» [Зигварт, 2008, 413–414]. Таким образом, идея имманентности Шуппе предвосхищалась рядом философов, близких к кантианцам. В движении проявляется бытие, как было сформулировано Адольфом Тренделенбургом в «Логических исследованиях» (1840) и выявлено, кстати, отечественным ученым, логиком и философом Михаилом Ивановичем Каринским [Каринский, 1873, 133, 137; Шевцов, 2017, 77, 256–259].

Итак, в шестом параграфе, «Вещь», Шуппе вводит дифференциацию по множеству качеств, которые кажутся ненужными, писал Франкль. Что касается пар понятий «вещь» и «свойство», и «сущее» и «бытие», как «так-сущее» и «так-бытие», но это было истолковано у Авенариуса. В качестве безусловной заслуги анализируемого труда Шуппе Франкль выделил его концепцию действительного бытия, которое состоит в действии. Кроме этого, Вильгельм Шуппе адаптировал позицию Юма по существу, и касалось это проблемы употребления слов как терминов науки и проблемы зыбкости обыденного языка. Франкль указал, что сходной проблематикой занимался и Алексис Мейнонг, сославшись на работу последнего «Об опытных основоположениях нашего знания» (S. 26 ff.). Франкль отмечает, что, несмотря на критику самим Вильгельмом Шуппе метафизики в философии, он сам зачастую смешивал «метафизические понятия» и включал их в свой дискурс. «Особенно богатым содержательно был параграф „Понятие организма“, и к этой же метафизике относится и представленное на странице 68 его понятие „первоначальной причины“» [Frankl, 1912, 109].

В заключение отметим, что автор рецензии на труд Шуппе, в основном рассмотренный и нами, доктор Вильгельм Франкль обстоятельно проанализировал данный

текст и выдал объективные замечания как по каждому параграфу и разделу, так и концептуально по всему произведению Вильгельма Шуппе. Например, Франкль писал, что: «обозначения, указывающие на [понятие] рефлексии, на самом деле означают мышление [т. е. совершенно противоположные термины], как, например, истина и ложь» [Frankl, 1912, 109]. Тем самым онтологический аргумент был удален из теологического изложения — несмотря на это стремление, все же автор на странице 66 косвенно и внес онтологический аргумент, когда он заключает, что из немыслимости ничто может быть выведена необходимость бытия нечто. Ну а мысль Шуппе, что «„первично существует ничто“ также не содержит в себе никакого противоречия, но сама эта утверждаемая автором мысль, конечно, уже сама противоречит на самом деле данному утверждению философа» [Frankl, 1912, 110].

Поэтому мы, со своей стороны, хотя и ориентировались первоначально на рецензии философов — современников Шуппе, как, например, того же Вильгельма Франкля или нашего Бориса Яковенко, но обратились также к рецепции идей Шуппе у его ученика Л. Е. Габриловича или неокантианцев, как, например, С. Л. Рубинштейна. Кроме того, мы старались наметить пути для дальнейших исследований корпуса текстов незаслуженно находящегося в тени интересного и глубокого мыслителя прошлого [Shuppe, 1870, 1871, 1874, 1878, 1879, 1901, 1910; Шуппе, 1913а, 1913б], а также вернуть в научный оборот и целый пласт трудов его оппонентов. Мы также обратились к реконструкции путей развития не только творческой мысли самого Шуппе, стараясь описать развитие имманентной философии и дать привязку к философской традиции прошлого: прослеживая путь от неокантианцев, даже кантианцев, и далее вплоть до параллелей с материализмом, набиравшим силу синхронно со становлением естественных наук в самом конце XIX — первой четверти XX в. В этом вопросе мы обращаемся к текстам современных исследователей неокантианства, таких как Хельмут Хольцхай, Нина Анатольевна Дмитриева, Вернер Штельцнер.

Источники и литература

1. Борецкая (1902а) — *Борецкая Э.* Имманентная философия и трансцендентная метафизика // Научное обозрение. 1902. № 5; № 7.
2. Борецкая (1904а) — *Борецкая Э.* По поводу статьи «Философский кошмар // Правда. 1904. № 8.
3. Борецкая (1904б) — *Борецкая Э.* Проблема объективности познания. Ростов-на-Дону, 1904.
4. Борецкая (1902б) — *Борецкая Э.* Солипсизм и «сознание вообще» в имманентной философии // Научное обозрение. 1902, № 8; № 9.
5. Бредихина (1993) — *Бредихина О. Н.* Ранний период в творчестве С. Л. Рубинштейна // Историко-философский ежегодник. 1992. М., 1993. С. 228–230.
6. Габрилович (2017) — *Габрилович Л. Е.* О двух научных понятиях мышления (К обоснованию одной дативистской логики) / пер. с нем. А. В. Шевцова // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 1. С. 78–88.
7. Габрилович (1912) — *Габрилович Л. Е.* О крайнем солипсизме // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 112. С. 213–249.
8. Габрилович (1908) — *Габрилович Л. Е.* О понятиях истинности и достоверности в теории знания // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 94. С. 463–490.
9. Галич (1908) — *Галич Л. (Габрилович Л. Е.)*. Новый труд по теории познания / Рец. на: И. Лапшин. «Законы мышления и формы познания». СПб., 1908 // Русская мысль. М., 1908. Сентябрь. С. 140–145.
10. Зигварт (2008) — *Зигварт Х.* Логика. Т. 1: Учение о понятии, суждении и выводе. М., 2008. 464 с.
11. Каринский (1873) — *Каринский М. И.* Критический обзор последнего периода германской философии. СПб., 1873.

12. Ланц (1909а) — *Ланц Г. Вильгельм Шуппе и идея универсальной имманентности // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 5(100). С. 757–799.*
13. Ланц (1909b) — *Ланц Г. Эд. Гуссерль и психологию наших дней // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98. С. 393–443.*
14. Леклер (1904) — *Леклер А. К монистической гносеологии / пер. с нем. СПб., 1904.*
15. Лосский (1913а) — *Лосский Н. О. Имманентная философия В. Шуппе // Новые идеи в философии. Сб. 3. Теория познания. СПб., 1913. С. 1–39.*
16. Лосский (1913b) — *Лосский Н. О. Преобразование понятия сознания в современной гносеологии и роль Шуппе в этом движении // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 116(1). С. 30–67.*
17. Ремке (1913) — *Ремке И. О достоверности внешнего мира для нас // Новые идеи в философии. 1913. Сб. 6.*
18. Рубинштейн (1993) — *Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник. 1992. М., 1993. С. 230–259.*
19. Франк (1913) — *Франк С. Л. Вильгельм Шуппе // Русская мысль. М., 1913. С. 42–45.*
20. Челпанов (1902) — *Челпанов Г. И. Обзор литературы по теории познания (Имманентная философия). Киев; Мелитополь, 2014.*
21. Шевцов (2017) — *Шевцов А. В. М. И. Каринский и русская гносеология конца XIX — начала XX века. М.: Мир философии. 2017. 303 с.*
22. Шуппе (1913а) — *Шуппе В. Понятие психологии и ее границы // Новые идеи в философии. 1913. Сб. 4.*
23. Шуппе (1913b) — *Шуппе В. Солипсизм // Новые идеи в философии. 1913. Сб. 6.*
24. Эрн (1910) — *Эрн В. Ф. Беркли как родоначальник современного имманентизма // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103(3). С. 413–437.*
25. Яковенко (2003) — *Яковенко Б. В. История русской философии / пер. с чешск. / общ. ред. и послесл. Ю. Н. Солодухина. М.: Республика, 2003. 510 с.*
26. Яковенко (1912/1913) — *Яковенко Б. В. Об имманентном трансцендизме // Логос. 1912/13. Кн. 1/2. С. 137–143.*
27. Яковенко (1913) — *Яковенко Б. В. Философия Вильгельма Шуппе // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 118(3). С. 175–223.*
28. Frankl (1912) — *Frankl W. M. Rezension. Wilhelm Schuppe, Grundriß der Erkenntnistheorie und Logik. Zweite Auflage, Berlin // Archive für Geschichte der Philosophie. Bd. 18. 1–4. Heft. 2. Abt. 1912. S. 104–110.*
29. Gabrilowitsch (1910) — *Gabrilowitsch, L. Über Bedeutung und Wesen der Elementarbegriffe (Versuch einer neuen Inangriffnahme des Universalproblems) // Archiv für systematische Philosophie. XVI. Bd. 1910. S. 453–497. (Перевод см.: [Габрилович, 2017]).*
30. Gabrilowitsch (1914) — *Gabrilowitsch L. E. Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form. Berlin: Verlag v. Leonhard Simion, 1914. 92 s.*
31. Holzhey (2002) — *Holzhey H. Der Neukantianismus // Philosophie im 20. Jahrhundert. Bd. 1 / Hügli Anton, Lübcke Poul (Herausgegeben). 4. Aufl. Hamburg. 2002. S. 19–52.*
32. Schuppe (1871) — *Schuppe W. Aristotelischen Kategorien. Berlin, 1871.*
33. Schuppe (1879) — *Schuppe W. Bergmanns reine Logik und die erkenntnistheoretische Logik mit ihrem angeblichen Idealismus // Vierteljahresschrift f. wiss. Philos. 1879.*
34. Schuppe (1870) — *Schuppe W. Das menschliche Denken. Berlin, 1870.*
35. Schuppe (1910) — *Schuppe W. Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik. Berlin, 1894; 2-е Aufl. Berlin, 1910.*
36. Schuppe (1878) — *Schuppe W. Erkenntnistheoretische Logik. Bonn bei Ed. Weber. 1878.*
37. Schuppe (1901) — *Schuppe W. Zum Psychologismus und zum normierte Charakter der Logik // Archiv für syst. Philosophie. VII. Bd. 1901. Heft 1. S. 6.*

Aleksandr Shevtsov. The Immanent Philosophy of Wilhelm Schuppe in the Context of Neokantianism. (Toward the Question of the Reception of Immanent Philosophy in Russian Philosophy at the Beginning of the 20th Century)

Abstract: The article is devoted to the problems of perception and assimilation of the ideas of the immanent philosophy of the German thinker Wilhelm Schuppe (1836–1913), especially at the end of the 19th and at the beginning of the 20th centuries in Russia. The author turned to works of Schuppe himself (certainly only to some of his many works), and to those of Russian thinkers of the early 20th century who translated the ideas of immanent philosophy onto the Russian soil. The present study outlines a whole range of influences experienced in the theory of cognition itself and the logic of immanent philosophy, as well as possible influences on Russian philosophical thought rendered by the reception of the philosophy of Schuppe. In the article, the author begins to analyze here, mainly, one work of Schuppe, his “Descriptions of the Theory of Knowledge and Logic”, and also turns to Wilhelm Frankl’s written reviews. In addition, the author relies on the judgments of a number of thinkers, both well-known and less well-known, who wrote about Schuppe’s philosophy. At the end of the article, a more or less complete bibliography on this issue is provided.

Keywords: Wilhelm Schuppe, immanent philosophy, thesis of immanence, theory of knowledge, logician, materialism, E. Kant, neokantianism, R. Schubert-Soldern, J. Remke, E. Husserl, Emil L. Radlov, Nikolai O. Lossky, Georgy I. Chelpanov, Leonid E. Gabrilovich, Boris V. Yakovenko, Wilhelm Frankl.

Aleksandr Viktorovich Shevtsov — Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Philosophy at Moscow Aviation Institute (National Research University) (ashevzov@mail.ru).

Sources and References

1. Boretskaya (1902a) — Boretskaya E. Immanentnaya filosofiya i transtsendentnaya metafizika [Immanent philosophy and transcendental metaphysics]. *Nauchnoye obozreniye*, 1902, no. 5, 7. (In Russian).
2. Boretskaya (1902b) — Boretskaya E. Solipsizm i «soznaniye voobshche» v immanentnoy filosofii [Solipsism and “Consciousness in General” in Immanent Philosophy]. *Nauchnoye obozreniye*, 1902, no. 8, 9. (In Russian).
3. Boretskaya (1904a) — Boretskaya E. Po povodu stat’i «Filosofskiy koshmar» [About the article “Philosophical nightmare”]. *Pravda*, 1904, no. 8. (In Russian).
4. Boretskaya (1904b) — Boretskaya E. *Problema ob’ektivnosti poznaniya* [The problem of the objectivity of cognition]. Rostov-na-Donu, 1904. (In Russian).
5. Bredikhina (1993) — Bredikhina O. N. Ranniye period v tvorchestve S. L. Rubinshteyna [Early period in the work of S. L. Rubinshtein]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik*, 1992, Moscow, 1993, pp. 228–230. (In Russian).
6. Chelpanov (1902) — Chelpanov G. I. Obzor literatury po teorii poznaniya (immanentnaya filosofiya) [Review of the literature on the theory of knowledge (Immanent philosophy)]. Kiev; Melitopol’, 2014. (In Russian).
7. Ern (1910) — Ern V. F. Berkli kak rodonachal’nik sovremennogo immanentizma [Berkeley as the founder of modern immanentism]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1910, book 103(3), pp. 413–437. (In Russian).
8. Frank (1913) — Frank S. L. Vil’gel’m Shuppe [Wilhelm Schuppe]. *Russkaya mys’*, Moscow, 1913, pp. 42–45. (In Russian).
9. Frankl (1912) — Frankl W. M. Rezension. Wilhelm Schuppe, Grundriß der Erkenntnistheorie und Logik. Zweite Auflage, Berlin. *Archive für Geschichte der Philosophie*, Bd. 18. 1–4, Heft. 2, Abt, 1912, s. 104–110.
10. Gabrilovich (1908) — Gabrilovich L. E. O ponyatiyakh istinnosti i dostovernosti v teorii znaniya [On the concepts of truth and reliability in the theory of knowledge]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1908, book 94, pp. 463–490. (In Russian).

11. Gabrilovich (1912) — Gabrilovich L. E. O kraynem solipsizme [On the extreme solipsism]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1912, book 112, pp. 213–249. (In Russian).
12. Gabrilovich (2017) — Gabrilovich L. E. O dvukh nauchnykh ponyatiyakh myshleniya (K obosnovaniyu odnoy dativistskoy logiki) [On two scientific concepts of thinking (To the rationale of a single dativistic logic)]. Transl. by A. V. Shevtsov. *Filosofskiy zhurnal*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 78–88. (Russian translation).
13. Gabrilowitsch (1910) — Gabrilovitsch, L. Über Bedeutung und Wesen der Elementarbegriffe (Versuch einer neuen Inangriffnahme des Universalproblems). *Archiv für systematische Philosophie*, XVI. Bd., 1910, s. 453–497. (Перевод см.: [Габрилович, 2017]).
14. Gabrilowitsch (1914) — Gabrilowitsch L. E. *Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form*. Berlin: Verlag v. Leonhard Simion, 1914. 92 s.
15. Galich (1908) — Galich L. (Gabrilovich L. E.). Novyy trud po teorii poznaniya. Rets. na: I. Lapshin. «Zakony myshleniya i formy poznaniya». SPb., 1908 [A new work on the theory of knowledge. Rev. on: I. Lapshin. “Laws of thought and forms of knowledge”, Saint-Petersburg, 1908]. *Russkaya mysl'*, Moscow, 1908, Sept., pp. 140–145. (In Russian).
16. Holzhey (2002) — Holzhey H. Der Neukantianismus. *Philosophie im 20. Jahrhundert. Bd. 1*. Hügli Anton, Lübcke Poul (Herausgegeben). 4. Aufl. Hamburg. 2002, s. 19–52.
17. Karinskiy (1873) — Karinskiy M. I. *Kriticheskiy obzor poslednego perioda germanskoj filosofii* [Critical review of the last period of German philosophy]. Saint-Petersburg, 1873. (In Russian).
18. Lants (1909a) — Lants G. Vil'gel'm Shuppe i ideya universal'noy immanentnosti [Wilhelm Schuppe and the idea of universal immanence]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1909, book 5(100), pp. 757–799. (In Russian).
19. Lants (1909b) — Lants G. Ed. Gusserl' i psikhologisty nashikh dney [Husserl and the psychologists of our days]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1909, book 98, pp. 393–443. (In Russian).
20. Lekler (1904) — Lekler A. *K monisticheskoy gnoseologii* [To monistic epistemology]. Saint-Petersburg, 1904. (Russian translation).
21. Losskiy (1913a) — Losskiy N. O. Immanentnaya filosofiya V. Shuppe [Immanent philosophy of V. Schuppe]. *Novyye idei v filosofii. Coll. 3. Teoriya poznaniya* [Theory of knowledge]. Saint-Petersburg, 1913, pp. 1–39. (In Russian).
22. Losskiy (1913b) — Losskiy N. O. Preobrazovaniye ponyatiya soznaniya v sovremennoy gnoseologii i rol' Shuppe v etom dvizhenii [Transformation of the concept of consciousness in modern epistemology and the role of Schuppe in this movement]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1913, book 116(1), pp. 30–67. (In Russian).
23. Remke (1913) — Remke I. O dostovernosti vneshnego mira dlya nas [On the reliability of the external world for us]. *Novyye idei v filosofii*, 1913, Coll. 6. (Russian translation).
24. Rubinshteyn (1993) — Rubinshteyn S. L. O filosofskoy sisteme G. Kogena [On the philosophical system of G. Cohen]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik. 1992* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow, 1993, pp. 230–259. (In Russian).
25. Schuppe (1870) — Schuppe W. *Das menschliche Denken*. Berlin, 1870.
26. Schuppe (1871) — Schuppe W. *Aristotelischen Kategorien*. Berlin, 1871.
27. Schuppe (1878) — Schuppe W. *Erkenntnistheoretische Logik*. Bonn bei Ed. Weber. 1878.
28. Schuppe (1879) — Schuppe W. Bergmanns reine Logik und die erkenntnistheoretische Logik mit ihrem angeblichen Idealismus. *Vierteljahresschrift f. wiss. Philos.*, 1879.
29. Schuppe (1901) — Schuppe W. Zum Psychologismus und zum normierte Charakter der Logik. *Archiv für syst. Philosophie*. VII. Bd., 1901, Heft 1, s. 6.
30. Schuppe (1910) — Schuppe W. *Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik*. Berlin, 1894; 2-e Aufl. Berlin, 1910.
31. Shevtsov (2017) — Shevtsov A. V. M. I. Karinskiy i russkaya gnoseologiya kontsa XIX — nachala XX veka [M. I. Karinsky and Russian gnoseology of the late 19th — early 20th century]. Moscow: Mir filosofii, 2017, 303 p. (In Russian).
32. Schuppe (1913a) — Schuppe V. Ponyatiye psikhologii i eye granitsy [The concept of psychology and its boundaries]. *Novyye idei v filosofii*, 1913, Coll. 4. (Russian translation).
33. Schuppe (1913b) — Schuppe V. Solipsizm [Solipsism]. *Novyye idei v filosofii*, 1913, Coll. 6. (Russian translation).

34. Yakovenko (1912/1913) — Yakovenko B.V. Ob immanentnom transtsendizme [About immanent transcendism]. *Logos*, 1912/13, book 1/2, pp. 137–143. (In Russian).
35. Yakovenko (1913) — Yakovenko B.V. Filosofiya Vil'gel'ma Shuppe [Philosophy of Wilhelm Schuppe]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1913, book 118(3), pp. 175–223. (In Russian).
36. Yakovenko (2003) — Yakovenko B.V. Istoriya russkoy filosofii [History of Russian Philosophy]. Ed. and afterword by Yu. N. Solodukhin. Moscow: Respublika, 2003, 510 p. (Russian translation).
37. Zigvart (2008) — Zigvart Kh. *Logika. T. 1: Ucheniye o ponyatii, suzhdenii i vyvode* [The doctrine of concept, judgment and inference]. Moscow, 2008, 464 p. (Russian translation).